

Александр Андреев: "Я вывез "Архипелаг ГУЛаг" в банке из-под икры" | Alexandre Andreyev: "J'ai emporté "L'Archipel du Goulag" dans une boîte de caviar"

Author: Надежда Сикорская, [Берн](#) , 11.05.2011.

Александр Андреев (©NashaGazeta.ch)

По случаю открытия в Женеве выставки [«Солженицын, мужество писать»](#), мы с

удовольствием знакомим вас с человеком, сыгравшим эпизодическую, но важную роль в знакомстве западного читателя с будущим лауреатом Нобелевской премии.

|
A l'occasion de l'ouverture de l'exposition "Soljenitsyne, le courage d'écrire" à la Fondation Bodmer, nous vous présentons la personne qui a joué un rôle épisodique, mais considérable dans l'histoire de la publication en Occident d'un des livres phares du futur lauréat du Prix Nobel.

Alexandre Andreyev: "J'ai emporté "L'Archipel du Goulag" dans une boîte de caviar"

С Александром Вадимовичем Андреевым, которого, несмотря на его солидный возраст, все многочисленные знакомые и на всех языках называют просто Сашей, мы решили пообщаться на предмет его знакомства с Солженицыным. Вот, что из этого вышло. Но, как обычно бывает, разговор перешел на другие темы, и стало ясно, что за многие, больше двадцати, годы дружбы, я еще не все о нем узнала, поэтому расспрашивала с пристрастием и с искренним интересом.

Сразу рассеем сомнения: да, Саша Андреев - внук знаменитого писателя Леонида Андреева, представителя Серебряного века русской литературы, считающегося родоначальником русского экспрессионизма. Впрочем, фамильное сходство настолько бросается в глаза, что вопросы отпадают...

Родители Саши – прекрасный поэт и прозаик Вадим Андреев и мама, удочеренная дочь лидера эсеров Чернова – познакомились в Париже после революции. Там же в 1937 году родился Саша. Воспитание он получил американское и с детства освоил все три языка, что и привело его в далеком последствии к посту шефа синхронных переводчиков в ЮНЕСКО.

Наша Газета.ch: Саша, почему Ваш дедушка уехал из России?

Александр Андреев: Он сверхнегативно отнесся к большевистскому перевороту, так как сразу правильно угадал, к чему он приведет – и это несмотря на то, что до 1907 года он близко дружил с Горьким и даже жил у него на Капри. Однако на самом деле, не он уехал из России, а Россия от него. Дело в том, что в 1908 году дед построил себе дачу в Ваммельсу, во входившей тогда в состав России Финляндии – в те времена многие обеспеченные петербуржцы могли такое себе позволить. А после революции Финляндия, как известно, от России была отделена, таким образом и дед, и отец оказались за границей.

А как отреагировал на события Ваш отец?

Портрет Леонида Андреева кисти Ильи Репина

В Википедии написано, что с осени 1920 года он воевал добровольцем в Белой Армии. На самом деле он в течение буквально нескольких дней был в рядах «зеленых» - кубанских казаков, их сразу разгромили. Летом 1921 года отплыл в Константинополь, учился в русском лицее, откуда, получив стипендию комитета Уиттмора, поддерживающего эмигрантскую студенческую молодежь, отправился учиться в Берлин. Там он, с присущим ему прагматизмом, выбрал в качестве предмета изучения итальянскую живопись 13-14 веков. Из многочисленных произошедших там встреч отец чаще всего рассказывал об общении с Борисом Пастернаком.

А в России, после разгрома Учредительного собрания, всю родню по маминой линии посадили: бабушку, 15-летних близнецов и младшую сестру. Под давлением западного общественного мнения, стыдившего советскую власть за содержание в тюрьме женщин и детей, Ленин дал разрешение на их отъезд за границу. Так по эту сторону занавеса оказалась и моя мама.

А мой дядя, брат отца Даниил, ставший впоследствии автором религиозно-философского учения «Роза мира», по-своему трактовавшего дилемму Добра и Зла, так и остался в России.

В Париже в то время было огромное количество русских, много интеллигентнейших, образованнейших людей. Так что найти «свою» пару было, очевидно, не очень сложно.

Да, русская парижская жизнь, если можно так выразиться, была очень насыщенной. Ведь там были и Бунин, и Ремизов, и молодой Набоков. На русском языке выходили газеты и журналы. Отец зарабатывал, как мог - в том числе, и в русской типографии.

В 1930 году родилась моя сестра Ольга, в замужестве Карлайл, в 1937 – я. К лету 1940 отец как раз скопил достаточно денег на то, чтобы устроить нам всем настоящие каникулы – мы отправились на остров Олерон. И тут началась война, и мы застряли на этом острове до ее окончания.

Как вы пережили войну?

Наверное, нам повезло оказаться в отдалении от Парижа. Жили на то, что отец зарабатывал крестьянским трудом – позже он опишет этот период в книге «Дикое поле». Отец присоединился к русским, вошедшим в движение Сопротивления, и арестовали его только осенью 1944 года. Мне было семь лет, и я хорошо помню этот момент. К нам пришел милый, очень воспитанный немец-фельджандарм в длинном кожаном пальто и ... увел моего отца в неизвестность. К счастью, его уже не успели отправить в Германию, а после подписания соглашения с союзниками об обмене нежелательных публике граждан на немецких солдат нас-таки обменяли, и мы вернулись в свободную Францию, где я смог пойти в школу.

Правда ли, что Ваш отец в 1924 году попросил вернуть ему российское (тогда уже советское) гражданство?

Гражданство-то у него было, никто же его не отбирал, просто документы были потеряны. Но, действительно, отец страстно мечтал вернуться в Россию, несмотря на переписку с братом Даниилом. Отец просил Даниила через Горького добиться от Сталина разрешения вернуться домой. К счастью для нас, у Сталина были тогда другие заботы. Советский паспорт отец получил только после войны, в 1947 году, попав под амнистию.

Однако, в отличие от героев фильма «Восток-Запад», вы не поверили посулам и в СССР не вернулись?

Вадим Андреев в детстве. Фото Леонида Андреева в кн. "Leonid Andreyev. Photographs by a Russian writer, 1989

Тормозили мать и сестра, у которых все же появились сомнения. Дело в том, что к тому времени исчез мой дядя Даниил. Последней весточкой была очень странная полученная от него открытка, а потом – тишина. Только гораздо позже мы узнали о его аресте.

Какие обвинения были ему предъявлены?

21 апреля 1947 его арестовали по 58-й статье, кто-то «доложил» о сочинявшемся им романе «Странники ночи». 23 апреля арестовывают его вторую жену А. А. Андрееву. Обвиненный в создании антисоветской группы, антисоветской агитации и террористических намерениях, Андреев получает по приговору Особого совещания при МГБ СССР 25 лет тюрьмы (высшая мера наказания в СССР на тот момент). Вместе с ним приговариваются к заключению на срок от 10 до 25 лет в исправительно-трудовых лагерях 19 его родственников и близких друзей. Все, написанное Андреевым до ареста, уничтожается МГБ. Дядю освободили только в 1956 году, а затем, как водится, полностью реабилитировали.

Мы к тому времени уже жили в Нью-Йорке, куда отца совершенно неожиданно, в 1949 году, пригласили на работу в ООН.

Переводчиком?

Нет, он недостаточно хорошо владел языками. Удивительно, живя во Франции и обожая французскую литературу, он обладал энциклопедическими знаниями в области поэзии эпохи Возрождения, но говорил по-французски неправильно, а писать совсем не мог. Причем, по его словам, делал это сознательно – ради сохранения

чистоты русского языка. Зато по-русски писал очень много, до войны в одной из парижских газет была опубликована его книга «Детство». Так что в ООН его взяли корректором русских документов, что и так было огромным достижением.

И к тому времени он оставался убежденным сторонником советской власти?

Представьте себе! Я тоже не могу понять, как, располагая данными, имея доступ даже к советским газетам, зная уже об аресте брата, отец упорно не видел всей невероятной лжи. Очевидно, главной его отличительной чертой был все же исторический оптимизм. Отслужив в ООН, они с мамой переехали в Женеву, где папа и скончался в 1976 году.

А какую позицию занимали Вы? Ведь Вы росли, видели, что происходит вокруг, слушали разговоры домашних...

В детстве я был сверхпатриотом, опережал в этом всю семью. Привитые мне понятия добра и зла, разделение на хороших и плохих русских были четкими: хорошие – это Пушкин и Кюхельбекер, а плохие – ну, Платон Каратаев. В школе яростно доказывал правоту СССР в Холодной войне. Но меня никогда не преследовали. Многие мои русские сверстники, так же выросшие во Франции, рассказывают, что их обзывали «sale russe» и так далее. Со мной такого не было ни разу. Скорее, ко мне относились с симпатией и, может быть, с долей снисхождения.

А когда произошел перелом в Вашем отношении к СССР?

Вадим Андреев в преклонном возрасте

В 1957 году, когда мы с отцом впервые туда поехали. Мне было 20 лет, за плечами – среднее американское образование плюс два года Колумбийского университета. Я прекрасно помню: 7 июля мы подплываем к Ленинграду на пароходе «Вячеслав Молотов» - и попадаем в разгар разгрома так называемой антипартийной группы в составе, как Вы помните, Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова. Все газеты, все громкоговорители только об этом и кричат. Я сразу как-то нутром почувствовал, что что-то было во всем этом не то.

Ну а люди? Все так восторгаются всегда нашими людьми...

Да, я тоже ожидал нежных, душевных, щедрых людей – как в сотнях прочитанных

мною книг. А попал в зверинец, где люди бросались друг на друга, где бытовое хамство было нормой жизни.

Конечно, были исключения – мои родственники, почти все отсидевшие, встретили меня чудесно, с моими кузенами в Москве я до сих пор поддерживаю самые теплые отношения. Затем появились и друзья, а через отца я имел счастье познакомиться с такими людьми, как Шаламов, позже установились дружеские отношения с Надеждой Яковлевной Мандельштам, с чудесным переводчиком Дюрренмата Н. Оттенон. Однако первое впечатление было именно такое. Миф был развенчан.

Даже у моего отца закрались сомнения, однако он продолжал верить в исправимость ситуации. Помню наши бесконечные споры, когда, в запале, он обзывал меня «примитивным антисоветчиком» - страшное оскорбление в его устах!

Только прочитав «Архипелаг ГУЛag», он признал мою правоту.

Ну вот, наконец, мы и добрались до исходной точки нашего разговора!

Добрались, но не совсем, так как надо сделать небольшое предисловие. До меня с Солженицыным познакомилась моя сестра. Со временем Александр Исаевич дал Ольге эксклюзивные права на свои западные публикации. В тот момент речь шла о публикации «В Круге первом», текст которого вывез из СССР мой отец. Так что в моей семье образовался такой «секретный круг», были проведены переговоры с американским издательством Harper & Row.

И в 1968 году к этому кругу присоединились Вы.

Представьте себе обстановку во Франции в 1968 году. Тем не менее, ЮНЕСКО, где я к тому времени уже работал, устраивает в Москве, на Котельнической набережной, какой-то семинар на книжную тему. Я отправляюсь туда в качестве переводчика, но и с особой миссией – от семьи. Она состояла в том, чтобы уточнить у Солженицына некоторые правовые вопросы. Перевод «В круге первом» давался трудно, мы добивались того, чтобы Александр Исаевич получил авторские и так далее.

И вот в январе 1968 года на квартире Надежды Яковлевны Мандельштам я познакомился с Солженицыным. Конечно, он произвел на меня большое впечатление – это была личность. Солженицын отвел меня на кухню и, попросив у меня пилочку для ногтей, поскреб ею во всех скважинах и розетк

Леонид Андреев на смертном одре, сентябрь 1919 года. Из книги Leonid Andreyev, Photographs by a Russian writer, 1989

ах, проверяя, нет ли прослушивающих устройств.

А после того, как мы обсудили все насущные вопросы, спросил, не собирается ли кто-то из нашей семьи в Москву в июне – «У меня затеяна вещь», сказал он.

Надо полагать, кто-то собирался...

Да, благодаря ЮНЕСКО в мае я снова оказался в Москве. Встретился с Наташей Столяровой, удивительной женщиной, в течение многих лет бывшей секретарем Ильи Эренбурга и давней знакомой нашей семьи. Она рассказала мне про «Архипелаг Гулаг» и спросила, готов ли я его вывезти. Я сказал, что готов. Потом несколько дней не спал, обдумывал.

Конференция закончилась, я ночевал по друзьям. И вот получаю инструкции. Мне нужно было выйти на определенной станции метро и, увидев знакомого человека, войти за ним в поезд, притворившись, что мы не знакомы.

«Связным» оказался Александр Александрович Угримов, с ласковым прозвищем Шушу. Это был чудесный человек, которого я очень любил. Бедняга, он попался в советскую западню и стал «возвращенцем»: он и жена были отправлены в ГУЛаг, а дочь - в детский дом для детей врагов народа.

Выйдя из метро, мы сели в его «Москвич» и поехали по Москве, причем Шушу демонстративно проехал через Лубянку. И тут он сказал : «Посмотри под сиденье».

Я посмотрел – там лежали две банки из-под икры, побольше и поменьше. В них, переснятый на 35-миллиметровую пленку, и хранился «Архипелаг».

Вам было страшно?

Не то слово! Я несколько ночей не спал, все думал, как лучше поступить. Хотел сначала запрятать банки в плюшевого мишку, но потом договорился с техниками из ЮНЕСКО, и мы вывезли эти пленки вместе со всем остальным оборудованием.

То есть получается, что если Архипелаг, как говорят, сыграл роль в падении советского режима, толика этой победы принадлежит и Вам?

Вот видите, как сразу пафосно получается! Поэтому я и не очень люблю об этом рассказывать.

Если бы ситуация повторилась сегодня, Вы бы так же поступили?

Надеюсь, что да.

Как сложились отношения Вашей семьи с Солженицыным в дальнейшем?

Плохо. Без всякой на то причины он вдруг сообщил, что дал права на свои публикации за рубежом еще нескольким людям, а потом вообще обвинил мою сестру в том, что мы за его счет богатели. Понятно, что это был абсурд, но он тогда плохо представлял себе западные реалии и каждые 10 долларов считал недопустимой растратой.

Конечно, судиться мы с ним не стали, но противно всем было очень.

А Вам лично он сказал когда-нибудь спасибо?

Да, в одном из писем Никите Струве он попросил сказать спасибо «храброму молодому человеку», а в одном из последних изданий книги есть моя фотография.

Несмотря на явный неприятный осадок Вы собираетесь на открытие выставки, посвященной Солженицыну в Фонде Бодмера. Почему?

Действительно, я не фан Солженицына как человека. Я не был согласен с тем, как он повел себя в Америке, особенно со знаменитой речью в Гарварде, в которой он клеймил Запад, ни с позицией, которую он занял, вернувшись в Россию. А уж его последние писания, в частности, книга об отношениях русских и евреев, вообще вызывали у меня только недоумение.

И тем не менее, я убежден, что Солженицын заслуживает того, чтобы его читали и перечитывали. Вот последний пример – моя жена Татьяна, не имеющая никакого отношения к России: прочитав, по моему совету, «Раковый корпус» и «Один день Ивана Денисовича», она ахнула. Солженицын – это не литература на злобу дня, это великий писатель, и я очень надеюсь, что выставку посетит как можно больше народа, ведь судьба Солженицына – часть нашей общей истории.

Статьи по теме

[«Солженицын, мужество писать»](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/node/11732>